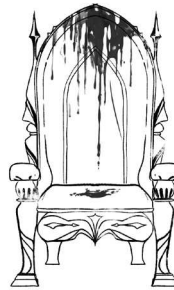

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

«ИДУЩИЕ ВО МРАК»

Виктория Ман

«ЦВЕТУЩИЕ В ВЕЧНОСТИ»

АННА АЛИЕВА

КАЛЛГИРА

Дорога праха

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А50

Иллюстрация на переплете *DAFAQ*

Иллюстрация на форзаце *Е. И. Лукомской*

Алиева, Анна Васильевна.

А50 Дорога праха / Анна Алиева. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с.

ISBN 978-5-04-203567-8

Он — опальный князь, брошенный своими людьми, который должен вернуть законные земли.

Она — наёмная убийца, которая бежит от мести могущественного ордена.

Их союз — залог выживания для обоих, но в их опасном мире после катастрофы не стоит доверять никому. Особенно своему нанимателю.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203567-8

© Алиева А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Я верю, что в войне между пушками и идеями
в конце концов победят идеи.

Нил Гейман

1

«Закон молодого князя»
От имени Его Светлости Со́ла Мели́на,
Верховного Князя Па́кра́на, Ла́уки, Монта́нье и Га́стина,
во всех княжествах и провинциях вводится закон.
Отныне резистент, претендующий на княжеский престол,
должен убить действующего князя руками своими или наёмника.

21-й год от Возвращения на Поверхность

Они её не казнят. Они выслушают. Они её оправдают.

Четыре дня в пути, останавливаться только на еду и покупку топлива, и гнать, гнать дальше. Как молитву Казимира повторяла себе: «Меня не казнят. Меня не казнят».

Чем южнее, тем злее стегал ветер, песок царапал кожу, забивался в глаза, нос, рот, уши. Рука чесалась даже под перчаткой. Нет, это не нервный зуд, у Каз ведь не было причин нервничать. Глаза слезились, а левый уже не открывался. С заходом солнца Казимира почти перестала различать, где асфальт, а где степь. Каждые несколько футов мотоцикл заносило, но Каз сжимала рукояти и выруливала обратно. *Ащ, Алая́н, ащ, люфра́*[1]!

Что, если они не послушают её? Что, если воткнут нож в горло, стоит ей перейти порог? Что, если Кио́р-бэй[2] не станет помогать?

Мотоцикл взбрыкнул, как необъезженный конь, заднее колесо занесло и повело вбок. Каз зажала задний тормоз, напрягла ноги и, уткнувшись в плечо, закрыла голову правой рукой. Падать лучше на левую, меньше вреда.

Рухнула. Отпустила тормоз, отпустила мотоцикл, пусть катится. Спиной Казимира распласталась на земле, про-

---

[1] Услышь, Алаян, услышь, пожалуйста (*гастинский*).

[2] Господин Киор (*гаст.*).

скользила ещё футов десять. Наверняка куртку разорвала в хлам. Онемели плечо и нога. Нельзя сразу вставать, пусть тело поймёт, что случилось.

Она опустила голову на песок, вдохнула пыль и закашлялась. Мотоцикла поблизости не было видно, и Каз подумала: *и не такое переживал, ещё поедет.*

Пара минут тянулись под гул в голове и ноющую боль в ушибленном боку. Экипировка спасла кожу, но кости... *Недавно только рёбра ломала, может, не чувствую, нельзя дёргаться.*

Она подняла левую руку. Рукав подрался, на протезе остались пара мелких царапин, а вот локоть уже саднил. Медленно возвращалась чувствительность.

Казимира прощупала рёбра, плечо, ключицу. Ухо и правый кулак задело, но все кости вроде целы. Дышать трудно, выпрямляться тоже — ничего, это ненадолго.

Ещё минута, и-и... Хватит разлёживаться.

Каз перекатилась на бок, медленно поднялась, отряхнулась и растёрла ногу, чтобы разогнать кровь. Неподалёку валялся мотоцикл весь в пыли и новых царапинах. Сквозь зубы Казимира прошипела:

— Ла́-а-акх[1]!

Она пнула песок, но скривилась от боли в колене.

Скомандовала себе: *успокойся. Пройдись. Подумай.*

Под ботинками захрустели песчинки. *Вот так.* Свист ветра в поле, рык мотора вдалеке, никакой паники. Отставить.

Дыши. Дыши. Дыши.

Всё наладится. Киор-бэй позаботится. Так ведь?

---

[1] Дерьмо (*гаст.*).

2

Позаботится? Он отправил Каз на шесть лет гнить в тюрьме, а не в земле. Если это забота, то да, Киор постарался на славу.

Здесь всегда сыро. Когда там, наверху, Алаян насылает голодные вьюги. Когда там, наверху, празднуют возрождение Алги́. Когда там, наверху, песчаные бури заметают дороги. Здесь всегда сыро до ломоты в костях.

Шаги Эды захлюпали по лестнице, и вслед понеслись голоса стражников. Казимира подняла взгляд от кушетки перед собой.

Хлюп-хлюп. Сандалии шлёпали по влажным камням. Коридор к Каз длинный, времени хватит. Она оттолкнулась от пола, придерживаясь за стену, и голова закружилась.

Хлюп-хлюп. Эда всё ближе.

Каз откинула волосы с лица, растёрла щёки и лоб, чтобы не пугать Эду мертвецкой бледностью. Тягучий воздух оседал на коже.

По ту сторону двери шаги остановились. Каз услышала нервное отстукивание пятки по камням, и Эда заглянула в зарешёченное окошко.

— Приве-е... — попыталась протянуть она бодро, но встретила взгляд Каз и нахмурилась. Похоже, Казимире не удалось придать себе человеческий вид. Лишь бы не встречаться с подругой взглядами, Эда посмотрела куда-то вниз, спрятала рыжую прядь за ухо и стала шуршать пергаментной бумагой. Каз узнала этот звук и этот запах.

— Пусть Догю́д будет сладким. — Эда приподняла тарелку с пшеничной лепёшкой, чтобы Казимира увидела и поглубже вдохнула аромат выпечки. Голос у Эды дрогнул. Не так поздравляют с возрождением бога.

— Пусть Догюд будет хмельным, — скороговоркой ответила Каз. — Что с тобой?

Эда открыла окошко в нижней части двери и поставила тарелку на деревяшку.

— Ешь, мама передала.

Картама́ блестела от масла и бугрилась. Такая горячая, что не почувствуешь вкуса, а только обожжёшь язык. Казимира никогда не дожидалась, пока лепёшка остынет. Картама от Айли́н-тайзу́[1]? *Х-ха, может, это мой последний ужин?*

Каз не потянулась к тарелке, а наклонила голову, чтобы заглянуть Эде в глаза.

— Я хотела чай ещё принести. — Взгляд у той бегал, руки Эда то скрещивала на груди, то поправляла что-то на платье. Из своего окошка Казимира видела только, как дёргались плечи.

— Но та-там... — Эда указала в сторону лестницы и часто заморгала, её нижняя губа задрожала.

Чтобы приблизиться к подруге на столько, на сколько позволяло заточение, Казимира уперлась лбом в прутья решётки.

— Эй, посмотри на меня. Эда? Что происходит?

Та глянула в сторону Каз, но тут же отвернулась и прижалась к двери спиной.

— Вчера приехали, — свистяще зашептала Эда. — Слуг выгнали. До середины ночи просидели.

Каз сжала в кулаке холодную решётку, и подушечки пальцев запульсировали. Ржавая, корявая железяка пахла мхом и потом. Вся камера провоняла, но Казимира заметила это только сейчас. Из-за паники. И сдавливать железный прут до онемения Каз тоже заставляла за́ферова паника.

— Новый совет?

— Угу.

Нужно было спросить, хоть Казимира и знала ответ:

— Что Киор?

— Молчал, — шептала Эда. — Они говорили. Вышли к казармам, важные, как князья. Один в белом. Сказали... — Эда затихла.

— Сколько?

— Четыре дня.

---

[1] Тётя Айлин (*гаст*).

— Ого, — выдохнула Казимира, но споткнулась на первой же букве.

— Угу, через четыре дня они тебя казнят.

— Эй, Каз! — позвал голос из-за двери. — Ка-а-аз! Пусть Догюд будет сладким, как взгляды Эды, а? Ну поболтай со мной! Казимира! Разговаривать разучишься!

Каз услышала, как что-то полилось на камни. *Мехмéд! Ты же не пришёл нассать мне под дверь?* Но нет, запахло домашним вином, и бурая лужица затекла в камеру. *Ах, ты поделиться пришёл.*

Пьяные крики Мехмеда вызывали у Каз зуд в черепной коробке. Последний час она перебирала в уме варианты для побега. Подкупить стражу? Припомнить старые долги? Выпросить Плакальщицу для последнего исповедания, вырубить её и переодеться в рясу? Уболтать Мехмеда отвести Казимиру в храм? Такой великий праздник, и вся вот эта чушь? Нет, одна идея хуже другой.

А если вскарабкаться по стене до той решётки? Камера колодезная, высокая, но всё же... Нет, даже будь у Каз обе руки, она бы туда не полезла. Слишком отчётливо помнила тот труп.

Ей тогда было лет двенадцать, и трупы она уже видала. В то утро у их группы проходил урок в нижнем дворе, когда слуги переносили тело. Его погрузили на мешок, прикрыли одеялом и старым плащом. Ученики так рвались поглазеть, что сорвали занятие. Что старшие могли прятать? Мертвеца? Да месяц[1] назад у группы Каз был первый урок анатомии с наглядным пособием, мертвецами их не испугать. В Ордене Гур не бывает двенадцатилетних детей. Бывают двенадцатилетние будущие убийцы.

Но препарированных парней с хирургического стола не уносили с размозжённой головой, как у этого. Руки и но-

[1] В Морбосе нет деления на недели, дни считаются дюжинами. Тогда месяц равен не четырём неделям, а четырём дюжинам дней. В каждом сезоне по два месяца.

ги его были вывернуты под неправильными углами, грудь сплющена, от пятен обску́рии уже потянулось разложение по всему телу.

Ученики загалдели:

— Что с ним случилось? Кто его так?

Носильщики и стражник помялись, посмотрели на учителя и, получив разрешение, ответили, что этот человек — преступник. Он сидел вон в тех камерах под башней. Пытался то ли сбежать, то ли убиться. Похоже, вскарабкался по стене и рухнул, нашли его через несколько дней из-за запаха.

Теперь Каз думала, что, возможно, тот прыгун сидел именно в этой камере. Возможно, эти дорожки на камнях и подточенные штыри из стен — его рук дело. Возможно, если Каз ничего не придумает, она повторит его прыжок. Уж лучше так, чем орденский палач.

Казимира прослужила им четыре года. Выполняла все приказы, приносила деньги и головы. Может, Каз не была лучшей, но такого точно не заслужила даже после того, что сделала.

— Казимира! — Мехмед стукнул по решётке.

Каз уперлась затылком в стену и выгнула спину, чтобы не касаться влажных камней.

— Эда разболтала, а? — Между прутьями показалась бугристая рожа Мехмеда. — Слыхала, что они хотели тебя вздёрнуть завтра?

Не поворачиваясь к стражнику, Казимира втянула воздух носом. Пока она не выдаст свой интерес, Мехмед будет трещать часами.

— Ага, сказали, мол, всё. Тю-тю. Время вышло. — Он поднял руки на уровень окошка и отряхнул их. Зашуршали друг о друга грубые ладони. — Ишь как, оказытся, Киор-бэй тебе пару лет выпросил. Да-а. А они пришли, говорят, вешай её. Знаешь, чо он ответил?

Ничего. Каз и вторую руку отдала бы на отсечение — Киор засунул язык в задницу и сделал вид, что это не его проблема. Так же, как на суде.

— Сказал, э-э, нет, братья. — Мехмед на удивление хорошо повторил акцент главы ордена. — У нас так дела не делаются. У нас пра-аздник, в Догюд мы не убива-ем.

Тебе откуда знать, что он там сказал, бестолочь?

Казимира вытянула подбородок вперёд и кивнула. Замучай их всех Алаян, проглоти их сердца и глаза.

— Вот так-то. — Мехмед ещё глотнул из бутылки. Судя по плеску, осталось там мало, скоро он уйдёт за добавкой. В такой день выпала смена, значит, Мехмед хорошенько отпразднует возрождение Алги. — А я думаю, зря он это, не мешал бы им, торчим из-за тебя здесь. Тогда ещё нужно было... — Мехмед сплюнул в камеру. Стой он от двери на фут[1] дальше, между прутьев бы не попал.

— Тогда тебе яиц не хватило такое предложить. — Каз поднялась и приблизилась к кушетке. Камера крохотная — три шага в длину, два в ширину. *Не стой так близко, Мехмед, ай, не стой.*

Он засопел, глянул исподлобья, и, вливая в себя остатки вина, опрокинул бутылку.

— Ты и сейчас языком чешешь, потому что нас дверь разделяет и ты при оружии. — Каз расправила плечи и размяла спину. Прохрустели позвонки. — В убийцы мамочка не пустила, так хоть стражником заделался, м? — Мехмед заскрипел зубами. — Да-а, мамочкина гордость. Большой и страшный...

— Закрой пасть.

— Серьёзно? — Каз хохотнула. — Это всё, что тебе нужно? Пара слов о мамаше? Погоди, я ещё не дошла до того, что ты так бухаешь, потому что на тебя ни одна девка не смотрит. С такой-то пропитой рожей.

— Ни одна девка? — Мехмед подался вперёд с мерзкой улыбкой. — А может, мне к Эде заглянуть после смены?

Казимира присела на кушетку и сдвинула руку к тонкому одеялу, которое использовала вместо подушки.

— Ну, попытайся, — ответила равнодушно. Болтай, болтай, нельзя молчать.

— А чо пытаться? Рыпнется — нож под бок. А после и к тебе приду, посмотрим, как ты завое...

Две секунды.

---

[1] Примерно 30 см.

Терпения Каз хватило на две секунды, прежде чем она воткнула ложку ему в горло.

Мехмед захрипел и потянулся к шее, но Каз выдернула заточенную рукоятку и воткнула ещё раз. Ещё и ещё.

Тяжёлое тело обмякло, и одной рукой Казимира его не удержала.

Ла-а-акх! Это не входило в план!

Мехмед должен был открыть дверь, войти в камеру и сдохнуть здесь. К зафери!

Эту ложку Эда оставила пару месяцев назад, может, думала, что Каз прокопает тоннель. Вряд ли она ждала, что Казимира заточит рукоять о камни и будет прятать оружие в выемке под кушеткой. Должно быть, этот тайник тоже оставил тот прыгун.

Рука Каз так истончилась, что легко проскользнула между прутьями, и даже кожа не содралась.

Казимира встала на колени и поддела край окошка для подачи еды. Нет, здесь худоба уже не помогла, но наружу протиснулись рука, плечо и голова. Каз подтянула тело Мехмеда к себе, сдёрнула с его пояса связку ключей. Звон заставил её замереть и прислушаться. Наверху всё тихо, следующий пост стражи через четыре лестничных пролёта.

Чтобы не мешал открыть дверь, Каз перекатила труп на бок и оттолкнула. Кинжал, что висел на поясе Мехмеда, скрежетнул по камням, а из шеи толчками выплёскивалась кровь. Казимира извернулась к замочной скважине лицом и вставила первый ключ. Не то. Второй, третий пятый — всё не те. Зачем носить два десятка ключей, если у вас на всю тюрьму один заключённый?

Наконец! Ключ провернулся, в механизме щёлкнуло, тяжёлая дверь подалась вперёд, увлекая за собой Каз. Она удержалась и выкарабкалась из окошка. От адреналина и неверия в собственную удачу рука ещё тряслась, колени тоже, Каз слушала, ждала, давила в себе панику и прикусывала изнутри щёку.

Шагай. Шагай!

С пояса Мехмеда она сняла кинжал и сжала в кулаке, пока пальцы не занемели.

По плану Каз собиралась позвать на помощь, сказать, что Мехмед напал на неё. Один из стражников вошёл бы в камеру, второго бы оставил снаружи. Первому — ложка в горло, второго догнал бы кинжал Мехмеда. Но если бы они спустились теперь — увидели бы лужу крови.

Думай.

Пыхтя, пиная Мехмеда, перекатывая его с бока на бок и проклиная три колена его семьи, Каз втащила труп в свою камеру. Она прикрыла дверь, затушила две ближние лампы — так кровь заметят не сразу.

Взвешивая кинжал в руке, Казимира дошла до основания лестницы и встала слева, за раскрытой дверью камеры. Доля секунды на раздумья. Что ещё в плане может пойти не так? Ох, слишком многое. *Действуй.* Казимира закрыла глаза, прикрыла рот рукавом и завопила.

По ступеням забухали тяжёлые шаги. Мягкие кожаные ботинки. Ни грохота, ни клацанья металла — идиоты сняли доспехи.

Стражник шагнул на последнюю ступень, и Каз вынырнула из своего убежища. Ударила рукоятью кинжала в висок, лезвием — под кадыком. Второй тюремщик отставал на десяток футов. Он выставил короткий меч и ударил, но Каз отшатнулась. Ещё и ещё шаг назад, чуть не поскользнулась босой пяткой на влажных камнях, удар полоснул её рубашку. Каз хотела по привычке перехватить лезвие механической рукой, но культя сейчас ничем не помогла. Ещё шаг, ещё.

— Не сиделось тебе! — прорычал стражник. — Сука тупая!

Каз увернулась от выпада, поднырнула под мечом, ударила пяткой в колено и выпрямилась. Левой ладонью стражник наотмашь ударил Казимиру по лицу. Зазвенело в ушах, но Каз вогнала ему кинжал чуть ниже локтя. Выдернула. Выше локтя. Пока стражник выл от боли, Каз выбила у него меч, и кинжал вошёл в висок.

Стражник рухнул, но его руки ещё дёргались в конвульсиях, будто пытались дотянуться до оружия. Не дожидаясь, пока он затихнет, Каз отшатнулась к стене и сползла по камням, рвано выдыхая через нос. Голова немного кружилась от голода и внезапного адреналина, потребуется время, чтобы прийти в себя. Пальцы тряслись, как после первого